

БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ – КАРАМЗИНУ

© 2016 г. В.А. Тишков, В.Б. Черкасский

Отделение историко-филологических наук РАН, Москва, Россия

e-mail: oifn@mail.ru

Поступила в редакцию 23.05.2016 г.

В обзоре представлены материалы Научной сессии “Время Карамзина (к 250-летию Н.М. Карамзина – писателя, историка, преобразователя русского языка)”, которая прошла 21 марта 2016 г. в рамках общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН. В работе сессии приняли участие известные учёные-гуманитарии, которые осветили различные аспекты феномена Карамзина. Докладчики показали центральное место Карамзина в становлении отечественного национального самосознания не только начала XIX в., но и в последующие периоды истории. Обзор различных аспектов наследия Карамзина – его литературной деятельности, работы по реформированию русского языка и, конечно же, подвижнического труда по подготовке “Истории государства Российского” – позволяет говорить о нём как о выдающейся и необычайно созвучной нашему времени фигуре русского Просвещения, на долгие годы определившей духовные искания России.

Ключевые слова: государство, консерватизм, национальная идентичность, самодержавие, языковая реформа, новая литература.

DOI: 10.7868/S0869587316110153

Сессию открыл академик РАН **В.А. Тишков**. Он подчеркнул, что в истории формирования российской национальной идентичности начало XIX столетия – значимый период, наполненный богатыми событиями и важными размышлениями относительно того, что есть Россия и её народ. И здесь в первом ряду стоит имя русского истори-

ка и писателя Николая Михайловича Карамзина. В его эпоху, в том числе благодаря сочинениям самого учёного, утвердилось представление о самостоятельном субъекте – *российском народе*, или *россиянах*, – своего рода прототипе гражданской нации. В 1811 г. Карамзин в своей “Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении” писал императору Александру I: “Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своём гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесённых славянами в Европу, и подновлённых, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщённых им варягами... Такая смесь в нравах, произведённая случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность”. Карамзин употреблял близкие по смыслу слова *русский* и *российский*, но первое было ближе к пониманию обычая и культуры, а второе – к понятию гражданского сообщества.

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН. ЧЕРКАССКИЙ Вячеслав Борисович – кандидат филологических наук, начальник отдела, заместитель по научно-организационной работе академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН.

Николай Михайлович Карамзин
 Портрет работы В.А. Тропинина

В этом же сочинении мы встречаем замечания по поводу институтов и отличительных черт культуры, которые ещё раз подтверждают взгляд Карамзина на соотношение *российский*–*русский* как на соотношение понятий близких, но не тождественных: “Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с её дворами, от принятия в нашу службу многих иностранцев и поселения других в Москве... Мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иностранцев и скажем ли, что Пётр есть творец нашего величия государственного?.. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях”.

Карамзин может рассматриваться как один из столпов российского национального самосознания (идентичности). Для него быть россиянином означало прежде всего чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и быть “совершеннейшим гражданином”. Корни гражданства он возводил к “древним россиянам”: “Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях,

но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т.е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж, должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно!”

Карамзин признавал великую роль исторической мифологии в утверждении самосознания российского гражданина и его любви к Отечеству. Российский народ становится у Карамзина главным вершителем своих судеб и даже высшим сувереном (по словам историографа, “глас народа – глас Божий”). “Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной Европейской системе. Воинствуя, мы разили. Пётр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила её к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, – заблуждение славное для сей великой монархини!”

Карамзин, отметил В.А. Тишков, безусловно, консерватор и противник внешних заимствований, ибо “добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей” и “одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основы империи, и коих благотворность остаётся доселе сомнительной”.

Под этими нелюбимыми народом преобразованиями Карамзин видел желание монархов внести в Россию законы революционной Франции, где появляется “национализм с нацией”. “Оставляя всё другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применимы к нашему гражданскому состоянию?” Карамзин верил в категорию гражданского состояния, но страшился революционного богоборчества французов во имя уже объявленной *насьон франсэз*.

Не следует забывать, что приведённые высказывания Карамзина взяты из его записки, адресованной государю, и всё это относится к началу XIX в. Уже после этого был Пушкин, назвавший труд Карамзина не только воспеванием “преlestи кнута”, но и “подвигом честного человека”. Пушкин завершил идеологический прорыв, сделанный историографом в утверждении категории *российский народ*, хотя поэт пользовался словом *русский*, возможно, даже чаще и в самых разных вариациях, не делая особых различий между двумя категориями.

Здесь следует напомнить нынешним отрицателям российскости, заметил В.А. Тишков, кому на самом деле в отечественной истории принадлежит приоритет на слово *россияне*, чтобы современные недоучки не трактовали это понятие как эвфемизм ельцинской эпохи.

В выступлении доктора исторических наук **М.Б. Свердлова** (Санкт-Петербургский институт истории РАН) прослеживалась связь между российской действительностью второй половины XVIII – первой четверти XIX в. и идеями Н.М. Карамзина, становление которого происходило в условиях либеральных реформ Екатерины II, распространения просветительских идей гуманности и веротерпимости, побед русской армии и территориального приращения Российской империи, с одной стороны, и превращения дворянства в закрытое сословие – с другой. Эти события и впечатления формировали не только начальные представления о гуманном отношении к человеку, о гордости за свою страну, но также интеллектуальные коды консерватизма.

В 1789–1790 гг. Карамзин предпринял заграничное путешествие. Увиденное в других странах повлияло на отношение к российской действительности. Впечатления от Швейцарии усилили понимание огромного разрыва между роскошью и бедностью в собственной стране, отсутствия в России того времени политической и гражданской свободы. Вместе с тем после увиденного в революционной Франции Карамзин утвердился как сторонник традиционного для XVIII в. русского общественного строя, который, однако, должен был стать более гармоничным, без деспотизма монархов. Он мог появиться, по Карамзину, в результате длительного материального и нравственного совершенствования.

Карамзин активно поддержал Александра I в его стремлении следовать законам, обеспечить подданным безопасность личности и собственности при сохранении системы самодержавной власти. Но в начале царствования Александра Карамзин опасался ослабления российской государственности, являясь сторонником постепенных преобразований и патернализма в отношениях царя и народа в отличие от намерения Александра и его ближнего окружения в короткие сроки создать в стране современную систему государственно-правовых отношений. Предчувствуя неизбежную войну с Наполеоном, он настаивал на воспитании у россиян чувства патриотизма как активной деятельности ко благу России. При этом любовь к Отечеству не должна “ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всём лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою”.

По мнению Карамзина, Россия должна оставаться единой самодержавной, с царским полновластием, сословной при абсолютно преимущественном положении потомственного дворянства, ко-

торому царь будет доверять ответственные должности в отличие от дворянства выслуженного. То есть его общественно-политические взгляды были сформулированы в консервативном ключе.

Во второй половине 1810-х – первой половине 1820-х годов Карамзин подвергался цензурным преследованиям и правительственным гонениям. Он знал, что его осуждают либералы и тем более будущие декабристы. Но он сохранял позицию *русского гражданина*, как он себя называл, и отстаивал право на собственное мнение. Осуждая радикализм декабристов, к либералам он относился значительно мягче.

По словам М.Б. Свердлова, Карамзин являлся решительным противником всё более насыщавшейся мистицизмом внутренней идеологической политики Александра I позднего периода его правления, подавления светских основ образования и нового ужесточения цензуры. В этих обстоятельствах Карамзин не боялся слова *либерал* по отношению к себе.

О роли Н.М. Карамзина в формировании русской классической литературы говорила доктор филологических наук **Н.Д. Кочеткова** (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). Именно Карамзин впервые в России сделал литературный труд своей профессией. Его издания (“Московский журнал”, альманах “Аглая”, поэтическая антология “Аониды”, литературно-политический журнал “Вестник Европы”) пользовались огромным успехом у читателей. Карамзин почти отказался от традиционной торжественной оды, предпочитая стихотворные послания, песни, стихи без жанрового обозначения, предваряющие появление пейзажной и философской лирики поэтов XIX столетия. Но главным результатом его литературной деятельности было создание новой художественной прозы. Благодаря Карамзину в русской литературе утверждается “малая” повествовательная форма – повесть. В повести “Бедная Лиза” (1792) писатель сумел преодолеть однолинейность в изображении персонажей, их деление на добродетельных и порочных. Здесь впервые намечается проблема “больной совести”, столь важная для русской литературы более позднего периода, включая Толстого и Достоевского. Пушкина называли Протеем, умевшим перевоплощаться и постигать характеры разных людей, говорить языком своих героев; подобный дар, пусть ещё не столь совершенный, был присущ и Карамзину. Свидетельство тому – его повести “Остров Борнгольм” (1794), “Сиерра-Морена” (1795), “Юлия” (1796).

“Письма русского путешественника” (1791–1801) Карамзина открыли для русской литературы новый жанр. Структура этого произведения, заметила Н.Д. Кочеткова, достаточно сложна: сюда включаются отдельные небольшие сюжеты,

описания достопримечательностей, отступления на разные темы, театральные рецензии, стихи. Одним из художественных открытий Карамзина, имеющих значение для дальнейшего развития русской беллетристики, явились портретные зарисовки. Внешность, манера говорить, жесты, манера поведения — во всём этом писатель видит отражение характера человека. Передвижению в пространстве сопутствует внутреннее движение мысли и чувства, формирование личности. Наблюдения над поведением и характерами отдельных людей приводят к обобщениям, позволяющим выделить черты, отличающие ту или иную нацию. В 1802—1803 гг. в “Вестнике Европы” появились сочинения Карамзина, знаменовавшие новый этап в его литературной деятельности. В повести “Моя исповедь. Письмо к издателю журнала” (1802) анализируется психология преступника: здесь появляется ряд мотивов, которые позднее будут развиты в романах Достоевского. В очерке “Чувствительный и холодный. Два характера” (1803) предложена психологическая задача, которую уже по-своему решают Пушкин (Онегин и Ленский) и Лермонтов (Печорин и Грушницкий). В сочинениях Тургенева, Гончарова, Островского, Достоевского, Толстого обнаруживаются характеры и ситуации, соотносимые в большей или меньшей степени с повестями Карамзина. Лермонтов называет свой роман “Герой нашего времени”, варьируя заглавие незавершённого романа Карамзина “Рыцарь нашего времени” (1802—1803) — первого в нашей литературе опыта повествования о детстве. Талант Карамзина, умевшего создавать живые, противоречивые характеры, проявился в “Истории государства Российского”, которая сама стала частью истории русской словесности, заключила Н.Д. Кочеткова.

Одна из глубинных доминант мировоззрения и литературной модели Карамзина — диалектическая и обязательная взаимообусловленность *своего* и *чужого*. Этой мыслью было проникнуто выступление доктора филологических наук В.В. Полонского (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН). Путь к *своему* через его объективирование, познание себя в *ином*, постижение России через Европу, построение отечественной литературной поэтики в её “нераздельности и неслиянности” с западным континуумом смыслов, форм и ценностей — родовая черта Н.М. Карамзина и всей русской секуляризированной послепетровской культуры — нашла в первые своё литературное воплощение именно в “Письмах русского путешественника”, созданных по следам европейской поездки молодого симбирского дворянина в 1789—1790 гг.

По словам В.В. Полонского, Карамзин был человеком той эпохи, когда из опыта позднего Просвещения и в преддверии буржуазного универсализма грядущего XIX столетия рождается принци-

пиально новая категория — *всемирная литература*, означенная и описанная Гёте. И “Письма...” уже вскоре после своего появления воспринимались как первое отечественное произведение, ставшее фактом истории именно всемирной литературы.

Литературный облик Карамзина включает в себя совокупность разных и не совпадающих ролевых лиц: трезвого и отстранённого носителя реальной биографии, изошённого сентименталиста-лирика, легкомысленного щёголя, наивного ученика, учёного-педанта. Но каждое из этих амплуа оказывается недостаточным, контрапунктно оспаривается иными ролевыми масками, в своей совокупности складывающимися в синтетическое целое. В “Письмах...” автор предлагает первый эталонный образец разносторонней, сложно структурированной репрезентации “чувствительного” “Я” и как объекта изображения, и как субъекта повествования и оценки описываемой реальности. Но главная особенность этой культурной личности — её естественная вовлечённость в европейский цивилизационный, в том числе литературный, контекст, полагает В.В. Полонский. Ею уже полностью освоен обязательный пласт просветительской словесности, в становлении которой ключевую роль сыграли авантюрные и сентиментальные романы и повести, лирическая стихия “чувствительности”. Именно Карамзину предстояло решить очень важную культурную задачу: дать собственно литературную транскрипцию типу личности “просвещённого туриста”, который стремится запечатлеть свою идентичность как носителя новой русской культуры через познавательное освоение *иного* — европейского — опыта, через самоопределение по отношению к нему. В конце концов это привело к выработке диалектической модели соотношения *национального* и *западного*, равно далёкой от одномерности и преклонения перед *чужим* и спесивого самодовольства исключительно замкнутым *своим*.

Показательно: Карамзин стремится посетить и лично познакомиться с “великими европейскими умами”, однако для него в этих знакомствах, в сущности, самым важным оказывается возможность вживую соотнести идеи и художественный опыт с их создателями как людьми, заглянуть в их лица. Иными словами, писатель стремился персонализировать, адаптировать воплощённую ипостась уже усвоенных образов западной культуры и испытать их на прочность.

Всегда уклонявшийся от прямой полемики, но при этом внутренне очень цельный, Карамзин нигде не подвергает влиятельных идеологий европейских мыслителей развёрнутому критическому анализу, но путём нарративной игры, изящных повествовательных манипуляций, построенных на глубинной иронии, последовательно, с большей или меньшей очевидностью ди-

станцируется от них, занимает позицию свидетеля извне.

В собственно литературном отношении, отметил В.В. Полонский, “Письма...” представляют собой беспрецедентную для того времени попытку отечественного автора адаптировать западную словесность как эстетическую целостность. Карамзин создаёт сплав из разных западных по происхождению художественных систем, складывая мозаику европейских идиостилей, порождая при этом единую поэтику, из которой по разным руслам пойдёт развитие собственно национальной русской литературы XIX в., во многом обязанной “Письмам...” и принципами психологизма, и типологическими атрибутами классического героя, и внутренней структурой лирических и эпических жанров, и стилистическими ориентациями.

Диалектика познания себя через другого, нераздельной неслиянности двух начал – отечественного и западного – как сверхзадача Карамзина означает: первое неизбежно подразумевает освоение опыта второго именно потому, что призвано служить *общечеловеческому*, оставаясь *национальным*. И эта сверхзадача окажется важнейшим свойством всей последующей отечественной классической культуры и резонирует, к примеру, в знаменитой пушкинской речи Достоевского 1880 г., где исполнение национального предназначения *русского гения* напрямую сопрягается с его *всемирной отзывчивостью*.

Естественно, участники юбилейной научной сессии не могли обойти вниманием главный труд Карамзина “История государства Российского”. Обратившись к этой теме, член-корреспондент РАН **В.П. Козлов** особо отметил, что Карамзин впервые в отечественной историографии названием своего труда обещал читателям изложить не “историю русского царства”, как у Г.Ф. Миллера, не “русскую историю” как у М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, не “повествование о России”, как у И.П. Елагина, а историю *русского государства*.

Это чисто внешнее, на первый взгляд, отличие в названии было неслучайным. Оно имело корни в немецкой историографии, представители которой историю общества стали рассматривать через историю государства. Государство провозглашалось орудием прогресса, а сам прогресс оценивался с точки зрения степени развития государственного начала.

Российская история, по Карамзину, – это медленный, порой зигзагообразный, но в целом поступательный процесс движения к гражданскому обществу, в котором должны быть обеспечены “неотъемлемость собственности и безопасность личности”. В этом процессе едва ли не извечно принимали участие четыре основные силы. Первая – это народ с его безудержной тягой к вольно-

сти, порождающей анархию, либо стремящийся самоорганизоваться, но почти неизменно взамен этого получающий деспотическую власть нарождающейся олигархии. Народ, его действия, страсти буквально пронизывают “Историю...”, особенно в её последних томах. Впервые в отечественной историографии Карамзин широко обозначил роль народа в политических процессах прошлого, причём в его понимании эта роль была, скорее, деструктивной, носила стихийный характер.

Второй силой, заявлявшей о себе в российской истории, по Карамзину, были представители олигархически-аристократических кланов, борющихся друг с другом. Находясь рядом с российскими правителями – великими князьями и царями, они пытались вовлечь их в сферу своих интересов, а порой, объединяясь, устраивали заговоры против них. Такие действия, пишет Карамзин, расшатывали государство, дестабилизировали его положение и даже в ряде случаев угрожали ему гибелью. Историк беспощаден в негативной оценке этой силы, которая в его понимании оставалась неизменно враждебной государству.

Третья сила, определявшая, согласно Карамзину, исторический процесс России, – князья, бояре, связанные со своими родовыми уделами, либо сословия, выраставшие в ходе развития государственности. В описании Карамзина жадные до денег и власти представители этой силы меньше всего думали о благе человека и государства. Погрязшие в коррупции и интригах, они играли судьбами народа и страны, следуя то сословно-кастовым, то родовым, то сугубо личным удельным интересам. Эта сила всегда стремилась разорвать на части формирующееся российское государство, и в её оценках Карамзин не жалеет чёрной краски.

В противоборстве, а подчас и независимом воздействии на русский исторический процесс каждой из этих трёх сил Карамзин искал и нашёл четвертую силу, которая, на его взгляд, выступала равнодействующей, примиряющей, играла цементирующую роль, потенциально, а иногда и реально воплощая в себе идею гражданского общества, обеспечивая благоденствие государства и счастье его жителей. Этой силой, по Карамзину, выступало самодержавие.

Учитывая решающую её роль в истории российской государственности, Карамзин в своём знаменитом труде уделяет ей подчёркнуто большое внимание. Эффективность действия четвертой силы он прямо связывает с личностями её носителей, а оценка этих личностей даётся исключительно исходя из их нравственных качеств. По мнению В.П. Козлова, здесь можно увидеть поучительный урок для современных историков, уже не мо-

гуших оперировать формационными и классовыми категориями, благодаря которым ещё совсем недавно легко и просто можно было объяснить мир. Теперь приходится мучительно искать новые критерии исторической истины. И один из таких критериев, вечный и неизменный, — нравственная оценка деяний людей прошлого. Именно Карамзин был первым в России, кто попытался широко использовать нравственный потенциал истории. В нравственных оценках прошлого, убеждённо считал он, заключается одна из живительных, самоочищающих сил общества.

В отечественной истории Карамзин искал и находил примеры величия духа, созидания, истоки тех сил, которые сбросили иго ордынского завоевания, объединили страну, спасли её во времена Смуты, а потом и в 1812 г. Карамзин в своём труде трижды ставит вопрос об унижении духа россиян. Первый раз, пишет он, это произошло в результате ордынского ига, второй — в царствование Ивана Грозного. От последнего он тянет ниточку к третьему унижению — во время Смуты. Униженный дух, пишет историк, не способен на великое. Следствие унижения — равнодушие, безмолвие, “злое семя в народе”. Карамзин со своим нравственным подходом к оценкам событий прошлого если и не опередил время, то предложил историографическую альтернативу, которую после него уже было невозможно игнорировать, заключил В.П. Козлов.

Доктор философских наук **В.К. Кантор** (НИУ “Высшая школа экономики”) привлёк внимание аудитории к роли самопознания в сотворении европейской России. Рассуждая о судьбе России, заметил он, три русских мыслителя — Карамзин, Пушкин, Хомяков — независимо друг от друга употребили одну и ту же формулу: “Явился Пётр”. Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре, следующим шагом должно было стать интеллектуальное утверждение европейских ценностей.

И это произошло: возник тип русского европейца, который, несмотря на внутренние и внешние катаклизмы, состоялся и уцелел, выступив против большевизма в России, сражаясь против нацизма в Европе. Но кто сделал это “неимоверное усилие” (С.С. Аверинцев)? Попыток было немало, но решающей, считает В.К. Кантор, оказалась деятельность Карамзина, создавшего практически всю область русской духовности: прозаик, поэт, переводчик, свободно говоривший на нескольких европейских языках, путешественник, открывший России Европу, великий историк и незаурядный мыслитель, заложивший в России нормы цивилизованного прочтения мира. Ещё до Тютчева, сказавшего, что навстречу Европе Карла Великого встала Европа Петра Ве-

ликого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть европейского материка, способную к самопознанию, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность.

Историю страны Карамзин сумел оживить и двинуть в мир, причём не придумывая немислимых сюжетов, а рисуя и осмысливая то, что было. Было хорошее — писал о хорошем, были ужасы Ивана Грозного — ужаснее о злодействах Грозного и ярче Карамзина не написал никто. Недаром Пушкин назвал его “Историю...” не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека.

И трагедия Руси, и её историческая заслуга перед Европой были значительны. Это был путь в несколько столетий. От первых новгородско-киевских князей, которые ходили походами на Византию, до спасения Западной Европы погибающей Русью от татаро-монгольского нашествия, иными словами, спасения христианского мира. Пушкин подхватил эту мысль Карамзина: “Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех”. Спасение Западной Европы, по мнению В.К. Кантора, отныне стало своего рода парадигмой бытия России, той самой России, которую Запад не хотел замечать.

31 октября 1803 г. Карамзин был назначен историографом с окладом 2000 рублей в год. Главный выразитель государственного самосознания император Александр I хотел знать историю государства, которым управлял. К началу XIX в. Россия вошла в тесный, небывалый ранее контакт с Европой как могучее и жизнеспособное государство. На взгляд европейцев, однако, русское государство возникло почти что из ниоткуда. Необходим был взгляд, рассматривавший Россию не изолированно, а *в контексте европейской истории*, пусть сначала этот контекст и будет чисто литературным, мысленным, не выявленным научно. Необходимо было показать, что Россия — страна с историей, а не случайный пришелец. Надо учесть и то обстоятельство, что общение с Европой шло тогда не только на государственном уровне, но и на общественном. Истинный христианин, ставший свидетелем отказа французов от христианства, увидевший в этом движении путь в кровавую пропасть, Карамзин надеется найти противоядие в истории: “Что Библия для христиан, то История для народов”, — пишет он.

Человеческая мера, наложенная на историю, применённая к историческим событиям и историческим деятелям, была мерой жизни самого Карамзина, мерой его отношения как к друзьям и противникам, так и к сильным мира сего.

Карамзин стал монархистом, ибо полагал, что самодержавие – не случайный эпизод для России, а возникло исторически и есть некая гарантия от потрясений, от выпадения России за пределы христианского мира. Был ли он консерватором, как уверяют сегодня многие? Но консерватор – хранитель недвижимости, а Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание. Он был человеком меры, в понимании Аристотеля. Как и Аристотель, он выступал за “золотую середину”, которая есть понятие, противоположное посредственности, своего рода совершенство. Но понятие меры всегда плохо усваивалось в России как властью, так и оппозицией, заметил В.К. Кантор. Поэтому Карамзин так важен и сегодня.

Деятельности Н.М. Карамзина по развитию и в каком-то смысле завершению языковых дискуссий, которые велись в России на протяжении почти двух столетий до него, было посвящено выступление академика РАН А.М. Молдована.

Важным этапом в этом процессе было петровское время. Секуляризации и европеизации культуры сопутствовала потребность в создании стандартного языка, обладающего полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств. Ориентиром в филологических программах этого времени, с которыми выступали В.К. Тредиаковский, В.Е. Адоуров и особенно М.В. Ломоносов, стали труды Французской академии XVII в., связывавшие нормализацию литературного языка с разговорной речью культурной элиты и иерархией литературных жанров. Идеи французских академиков предполагали наличие литературной традиции, которая давала почву для ранжирования слов литературного французского языка. Распределение лексики в зависимости от литературного источника по трём категориям – высокой, средней и низкой – позволяло в дальнейшем избегать макаронизма.

По словам А.М. Молдована, в России решение этой задачи осложнялось отсутствием как общепотребительного дворянского речевого узуса, так и сложившейся структуры литературных жанров. Теория М.В. Ломоносова адаптировала французскую доктрину к российскому материалу, устанавливая три разряда (“штиля”) слов. Но это деление осуществлялось не по принадлежности слов к тем или иным литературным жанрам, а по формальным и семантическим особенностям, указывающим на их происхождение. Соответственно, выделялись три категории слов: “славенские”, отсутствующие в русском языке; слова, общие

церковно-славянскому и русскому языкам; русские простонародные слова, которых нет в церковных книгах. Предполагалось, что в среднем штиле должны как-то уживаться “славенские”, “славенороссийские” и российские языковые средства. Но без опоры на соответствующий литературный материал эта категория не получала материального воплощения. В этих условиях попытки академических учёных искусственным путём, умозрительно сформировать лингвистический стандарт в грамматиках и словарях успеха не приносили.

Образцовые литературные тексты появляются под пером деятелей следующей, екатерининской эпохи. Успешнее других здесь были И.А. Крылов и Д.И. Фонвизин, работавшие на сатирическом поприще, где допускались рискованные эксперименты с просторечием и травестийным употреблением церковно-славянских элементов, которые можно было сталкивать с варваризмами и кальками, а дикий “латино-немецкий” синтаксис списывался на грубость содержания и простоту жанра.

Основной сферой, в которой вырабатывались новые формы языкового выражения, была деловая и частная переписка культурной элиты. Авторы писем преобразовывали речевые обороты устной речи в синтаксические построения письменного языка, лучшие из которых постепенно усваивались и распространялись участниками процесса. Не случайно именно в этом жанре написаны “Письма русского путешественника” Карамзина, ставшие важным событием эпохи.

Благодаря литературной деятельности Карамзина и его современников в русском языке, с одной стороны, образовался корпус общеупотребительных речевых средств, нейтральных в стилистическом отношении, а с другой – появились стилистически дифференцированные элементы, отсылающие к новосозданному корпусу прецедентных литературных текстов.

Карамзинская реформа была по преимуществу синтаксической, отметил А.М. Молдован. Синтаксис “нового слога” имеет конкретные формальные особенности, отличающие его от предшествующих текстов и в целом соответствующие нормам современного русского литературного языка. Его главным достижением стала ориентация на естественное членение речи и логическое развёртывание высказывания. Важно, однако, подчеркнуть, что этот результат был достигнут не простым копированием характерных признаков разговорной речи, а разработкой на её основе новых эталонных форм и конструкций письменного языка, свободного от искусственности старого книжного письма.

Языковая деятельность Карамзина неотделима от создания и обустройства им нового литера-

турного пространства. Центром этого пространства стали жанры и риторические стратегии, соответствующие культурным потребностям образованного общества. Тем самым язык русской словесности оказывался сердцевинной литературного языка. Предназначенный для выражения “тонких нравственных понятий и чувств”, о которых позднее говорил Пушкин, “новый слог” становился средством нравственного и эстетического просвещения общества.

Не в последнюю очередь общественный успех “нового слога” обеспечивался авторитетом самого Карамзина, безупречностью его репутации, привлекательностью личности. Под его влиянием в России появилось то общество, которое нуждалось в развитии гуманистических идей и которое становилось не только потребителем, но и участником литературного процесса и в соответствии с предлагаемыми литературными моделями формировало свои социальные навыки. К числу этих социальных навыков относился и способ изложения чувств, переживаний и нравственных соображений. Образованное общество, читавшее Карамзина, внимавшее его суждениям о литературных, общественных и исторических событиях, начинало писать так, как было принято в “Московском журнале” или “Вестнике Европы”. Сам “новый слог” стал сигналом, символом идей, которые находила важными просвещённая часть общества, претендовавшая на социальное доминирование.

Созданному в результате деятельности Карамзина и культурных деятелей его круга языковому стандарту ещё предстояло пройти недолгий путь адаптации к потребностям и вкусам времени. Несомненно, однако, что во многом благодаря Карамзину русский язык приобрёл необходимые для литературного языка качества, подчеркнул А.М. Молдован.

Большой историк, выстраивая свою концепцию прошлого, не может не преломлять её через собственное восприятие современной ему действительности. С этого утверждения начала своё выступление доктор исторических наук **А.В. Семёнова** (Институт российской истории РАН). “Великая весна девяностых годов” XVIII столетия озаряла всё творчество Николая Михайловича Карамзина. Литературный шедевр “Письма русского путешественника” открыл его для читателей, а “История государства Российского” навсегда прославила его имя. Воспринимая отечественную историю в контексте мировой, Карамзин практически всю свою жизнь размышлял о значении революций в жизни общества, а события Великой французской революции, современником и свидетелем которых он был, придавали особую остроту его анализу.

Как и многие его соотечественники, он был воспитан на литературе века Просвещения. Тео-

рии общественного договора, естественного права, суверенитета народа, равенства всех перед законом, идея представительного правления, вера в силу общественного мнения проникали в то время в сознание русских людей. Формы правления, разработанные Монтескье (республика, монархия, деспотия), прослеживаются в исторической концепции Карамзина, причём симпатии историка претерпевают постепенные изменения: от увлечения республиканским образом правления, во многом связанным для него с именем Робеспьера, к приоритету монархии.

Карамзин познакомился с великой княгиней Екатериной Павловной в 1809 г. и по её просьбе создал “Записку о древней и новой России”. Тогда же государственный секретарь в царствование Александра I Михаил Михайлович Сперанский завершил работу над “Введением к уложению государственных законов” и предпринял попытку внедрить в практику экзамены на чин. В феврале 1811 г. Карамзин читает “Записку...” Екатерине Павловне, и Александр I знакомится с этим текстом. Так почти одновременно в России появились два выдающихся сочинения двух патриотов, которые по-разному видели будущее страны.

Если для великого историка центром политической концепции является “идеальный монарх”, просвещённый государь, то мечтой Сперанского было создать такие законы, чтобы “никакая власть их преступить не могла”. По мнению Карамзина, “в России государь есть живой закон... Не бояться государя — не бояться и закона”. Для Сперанского и декабристов, с которыми он был близок, суть политической жизни — нацеленность на преобразования, заметила А.В. Семёнова.

Поколение, пришедшее в России на смену современникам Французской революции, было опалено огнём Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Молодые “либералисты”, многие из которых впоследствии стали членами тайных обществ 1820-х годов, были воспитаны на просветительской литературе, несмотря на известные цензурные сложности, хорошо знали историю Французской революции. Некоторые из этих молодых людей благодаря семейным связям были близко знакомы с Карамзиным и являлись сотрудниками Сперанского. Для Николая Тургенева, Никиты Муравьёва историк был увлекательным собеседником, а они были заинтересованными читателями и критиками его “Истории...”. Первые восемь томов, как известно, увидели свет в 1816–1817 гг. и поступили в продажу в феврале 1818 г. Огромный для того времени трёхтысячный тираж разошёлся быстрее, чем за месяц, потребовалось второе издание. В 1821 г. был издан девятый том, посвящённый правлению Ивана Грозного, а в 1824 г. — следующие два. За время работы в тиши архивов Карамзин стал защитником монархии, противопостав-

ленной им республике и деспотии. “Молодые якобинцы негодовали” при чтении “Истории...”, заметил Пушкин. Никита Муравьев, активный член Союза благоденствия, выдающийся мыслитель, чья семья была в дружеских отношениях с Карамзиным, написал сочинение, направленное против концепции “Истории государства Российского”. В противовес утверждению Карамзина “история народов принадлежит царям”, он начал своё сочинение словами “История принадлежит народам”.

А.В. Семёнова обратила внимание на деятельный патриотизм Карамзина, которым проникнуто всё его творчество, начиная с ранних публицистических произведений “О любви к Отечеству и народной гордости”, “О книжной торговле и любви ко чтению в России” и кончая “Историей государства Российского”. Некоторые его мысли звучат чрезвычайно современно: “Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут... Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благоденствия судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя своё и повторим его с благородною гордостью”.

О месте Н.М. Карамзина в истории русской мысли и русской культуры размышлял академик РАН Ю.С. Пивоваров. Он отметил, что на рубеже XVIII–XIX вв. в России произошёл “большой взрыв”, следствием которого стало рождение великой светской культуры. Классический литературный язык, проза и поэзия, историческое самопознание, социальная, политическая, правовая мысль и многое другое были безусловными свидетельствами того, что отечество входит в свой золотой век. Центральной фигурой всего этого движения стал Николай Михайлович Карамзин.

Через месяц с небольшим после смерти Карамзина князь П.А. Вяземский в письме к А.С. Пушкину заметил: “Всё русское просвещение начинается, вертится и сосредотачивается в Карамзине”. Это мнение разделяли и сам Александр Сергеевич, и В.А. Жуковский, и Н.В. Гоголь, и А.А. Григорьев. Но что такое “русское Просвещение”? Это, считает Ю.С. Пивоваров, русская культура петербургского периода, или, в социологическом плане, культурная функция русско-европейской цивилизации, сложившейся у нас в результате реформ Петра I. Основным содержанием этой новой культуры и было просвещение, причём в кантовском — и ни в каком другом! — смысле, то есть работа, в ходе которой происходит взросление. Просвещение включает в себя и десакрализацию социальных отношений,

и секуляризацию сознания, предполагает новый язык и новые формы быта. Оно обязательно влечёт за собой кризис веры и самоидентификации, означает громадный сдвиг в истории человечества.

Именно Карамзиным заканчивается подготовительный период культурного развития послепетровской России и им же начинается новый — зрелости, расцвета, плодоношения.

Язык, на котором заговорил Карамзин, несмотря на всю свою позднейшую эволюцию и совершенствование, стал русским литературным языком, языком русского Просвещения. Его “История государства Российского” не только и не просто выдающееся историческое сочинение, не только и не просто первое систематическое изложение отечественной истории, но и один из первых вариантов мифа о России. Позднее различные варианты этого мифа создавали Чаадаев, славянофилы, западники, почвенники, революционные демократы, Достоевский, народники, марксисты, либералы пореформенного периода, евразийцы и т.д. Вопрос о природе этого мифа и его значении для русского самосознания является одним из центральных при изучении послепетровской культуры и русского Просвещения, подчеркнул Ю.С. Пивоваров.

Надо сказать, что состав мифа о России крайне сложен, прежде всего из-за наличия в нём разнородных элементов. Здесь и идеи, унаследованные от культуры Московской Руси, вплетённые в духовно-интеллектуальную ткань совершенно иной исторической эпохи, и западные заимствования, и концепции, выработанные самостоятельно. Но — и это принципиально важно — при всей своей многовариантности миф всё же один. Какими бы непохожими ни казались его разновидности, есть нечто, что связывает их воедино. Это нечто — общие корни, общая “среда обитания”, принадлежность к одной культуре.

Один из вариантов мифа о России, по мнению Ю.С. Пивоварова, получил своё воплощение в карамзинской “Записке о древней и новой России”, которая явилась интереснейшим документом идейной борьбы в верхах русского образованного общества в прологе XIX столетия, своеобразным манифестом русского политического консерватизма.

В “Записке...” самодержавие понимается как надсловная сила, обеспечивающая движение русского общества вперёд (для Карамзина это нравственное совершенствование народа). В ходе исторического процесса самодержавие становится всё более мягким и “разумным”, постепенно переходит от “самовластия” к своеобразному варианту просвещённого абсолютизма. Своеобразие это состоит в патриархальном (“отеческом”) типе правления. Любые попытки ограничения

самодержавия отвергаются. Монарх руководствуется не юридическим законом, а действует по “единой совести”, воля самодержца — “живой закон”. В “Записке...” сформулированы такие позднее ставшие классическими принципы русской консервативной идеологии, как “требуем более мудрости охранительной, нежели творческой”; “всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости”; “для твёрдости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу”.

По сути, Карамзин противопоставляет исторически конкретной монархии самодержавие идеальное. Наверное, здесь кроется некий умысел — умысел назидательного поучения. Как не вспомнить, что именно в годы создания “Записки...” Карамзин примеривается к роли советника царей, затем придут роли светского духовника членов императорской фамилии и даже некоего светского старца. Эти странные роли вовсе не странны в той культуре, которая сложилась в России на рубеже XVIII—XIX вв. Одна из её особенностей — скромное место церкви в общей диспозиции, многие функции которой взяли на себя другие институты. Одним из них стала литература — “церковь” русской интеллигенции. Правда, в эпоху Карамзина литература ещё не превратилась в своего рода религию, как таковая она только созидалась, расцвет её пришёлся на вторую половину столетия. Но Карамзин приложил немало сил для её строительства.

Лишь назиданием и поучением объяснить противопоставление исторического самодержавия идеальному нельзя. Здесь всё и тоньше, и сложнее. По всей видимости, тут имеют значение какие-то коренные особенности мировоззрения Карамзина. Самодержавие для него есть институт сакральный, но самодержцев он критикует как

обычных политиков. Карамзинская критика практически всех русских императоров есть типично *политическая* по своей природе критика, характерная для европейской культуры Нового времени. Её совершенно невозможно представить в рамках той культуры, которая выработала идею сакральной власти. Налицо причудливое сочетание идей, принадлежащих принципиально разным типам культур — патриархальной и культуры Просвещения. Позднее, заметил Ю.С. Пивоваров, мы будем сталкиваться с подобным сочетанием, а точнее, фундаментальным противоречием, практически во всех версиях отечественной консервативной идеологии.

В заключение следует отметить, что целостный анализ феномена Карамзина, его творческого наследия стал возможен благодаря участию широкого круга специалистов — историков, литературоведов, лингвистов, философов. Карамзин, которого отделяют от нас два с половиной столетия, необычайно современен. Затронутые в докладах темы сегодня остро волнуют наше общество, включая такие оппозиции, как консерватизм — либерализм, охранительные тенденции — демократизация жизни, активный поиск нового — опора на традицию.

Пожалуй, главная мысль, на которую наталкивают заслушанные доклады и обсуждения, — это важность осознания многогранности жизни, её несводимости к жёстко очерченным, выверенным схемам. Существование различных идейных течений, если они будут востребованы обществом, позволяет надеяться на возможность создания основы нового качества жизни. Понять, что живая жизнь всегда выше и богаче наших представлений о ней, как показал это Карамзин в “Истории государства Российского”, — это и есть “подвиг честного человека”.